

ГЛАВА II

КАКОЕ БУДУЩЕЕ МЫ СОЗДАЕМ?

МУКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Любой прогноз неизбежно умирает, наступаемый и поглощаемый историческим процессом. Поэтому существует постоянная гонка между прогнозом и историей. История постоянно захлестывает прогнозы, то воплощая их в действительность, то критикуя, то отбрасывая как вздор, как плод случайного мнения, как игру воображения. Человек постоянно зондирует свое будущее, опираясь на накопленное богатство культуры, на свои способности критически преодолевать свою ограниченность. Одновременно *история, поглощая этот прогноз, сама выступает как критика прогноза*, создавая тем самым предпосылки для повышения уровня, эффективности прогнозирования, для создания некоторого веера альтернатив, которые отличаются разной вероятностью своего воплощения, разными последствиями. Поэтому прогноз постоянно исчезает и вновь возникает на новой осяове.

Предлагаемый ниже прогноз — это определенный этап работы над книгой, один из следующих друг за другом вариантов. Работу над первым вариантом прогноза я закончил в 1979 — январе 1980 года. Работа над вторым вариантом была прекращена летом 1982 года. К сожалению, в моем распоряжении нет этого незаконченного неопубликованного текста. Оба они составлялись еще в рамках шестого этапа прошлого периода. В 1991 году был составлен третий прогноз, который стал первым из опубликованных — в первом издании этой книги. Следовательно, есть возможность при последующей работе сопоставлять ранее составленные прогнозы с дальнейшим ходом исторического процесса, оценивать эффективность предлагаемой методологии и совершенствовать ее для последующих вариантов. Ниже воспроизводятся фрагменты прогноза 1979 года.

Прогноз социокультурной динамики России должен опираться на все богатство знаний о глобальных периодах, о зако-

номерностях развертывания модифицированных инверсионных циклов. Этот пласт знаний — предпосылка для формирования «уверенности в том, что второй глобальный период и впредь будет развиваться на основе четко выявившейся исторической инерции. На этой основе можно предположить, что кризис современной шестой версии псевдосинкретизма потребует реформ, как это имело место в результате банкротства умеренного позднего авторитаризма прошлого глобального периода. Вступление на путь реформ означает поворот к новой — седьмой версии псевдосинкретизма.

Далее, опыт истории прошлого глобального периода под-сказывает, что реформы могут развязать инициативу низов, вдохнуть жизнь в коченеющее тело медиатора, но, вместе с тем высвободить силы, ориентированные на локальные ценности, угрожающие существованию государственности.

Отсюда опасность краха седьмой версии псевдосинкретизма, что, если судить по прошлому, может означать конец второго глобального периода, а возможно, и крах государственности, четвертую в истории России национальную катастрофу. Подобный прогноз подводит к выводу, что общество и государство, возникшее на основе попытки разрешить противоречия промежуточной цивилизации, возможно, потеряют крах. Противоестественный союз синкретизма и организационных, технических, культурных элементов либеральной цивилизации не сможет преодолеть внутренних противоречий, решить медиационную задачу во все более трудных условиях, предотвратить смыкание порогов. Пружина русской истории, сжатая национальной катастрофой 1917 года, полностью освободится, исчерпав заложенную в ней программу исторического процесса. Если это произойдет, то это поставит страну перед альтернативой — либо снова сжать пружину в единую плоскость и вновь начать дважды пройденный путь сначала, либо искать новые пути...»¹

Основная мысль этого прогноза, составленного в 1979 году, полностью оправдалась. Шестой этап, т. е. поздний авторитаризм, сменился седьмым, получившим название «перестройка», где господствующим идеалом стал соборно-либеральный. Вместе с ним окончился второй глобальный период, произошло катастрофическое разрушение государственности, развал всей нравственной, политической, хозяйственной системы. С карты мира исчез СССР. Прогноз 1979 года исходил из факта мощ-

¹ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 300-301.

ного движения к торжеству вечевого (соборного) идеала, к локализму как инверсионной реакции на господство умеренного авторитаризма, как завершающему акту инверсионной реакции на крах крайнего авторитаризма (тоталитаризма). В издании 1991 года приведены обширные выдержки из этого прогноза, в котором излагаются его основания, сложившиеся на шестом этапе². Прогноз 1979 года исходил из того, что на протяжении второго (советского) периода ценой гигантских жертв обществу удавалось избегать катастрофы при переходе к каждому новому этапу. В конце второго периода решение этой проблемы стало сложнее на порядок, так как речь шла о конце не только этапа, но и периода модифицированного инверсионного цикла. Здесь прогнозировалась возможность очередной катастрофы, а также неизбежность начала реформы.

Таков первый пласт прогноза 1979 года. Он предполагал повторение модифицированных инверсионных циклов, уже имевших место в истории. В нем пока еще не взвешены большие альтернативы, выводящие общество за рамки исторической инерции, за рамки апробированного опыта, за рамки модифицированного инверсионного цикла.

В принципе прогнозы могут быть рассчитаны на различные сроки.

Это, во-первых, прогноз в рамках этапа, который рассматривается как *краткосрочный*; во-вторых, *среднесрочный прогноз*, который охватывает полупериод или период; и, наконец, в-третьих, *долгосрочный прогноз* может выходить за рамки глобального периода. Эта классификация прогнозов основана на определенном представлении о сложившейся инерции исторического процесса России, на его внутренней расчлененности, на определенной уверенности в том, что эта историческая инерция обладает достаточным потенциалом для того, чтобы вновь и вновь себя воспроизводить. Однако суть прогноза, тем не менее, именно в том, чтобы непрерывно нащупывать возможность, вероятность альтернатив. Речь идет о повторении старых альтернатив, качественных поворотов, которые уже имели место как на уровне этапов, так и периодов. Однако главное в прогнозе — это попытка нащупать большие альтернативы, выходящие за рамки исторической инерции, это прогноз возможностей общества сдвинуть гигантский маховик исторической инерции, сместить циклы исторического процесса, отодвинуть их на задний план, выдвинуть на первый план некоторый конструктивный творческий процесс созидания. Тем самым прогноз перерастает в анализ возможности изменений,

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 301-303.

в проект реформ, которые опирались бы на реальную возможность, содержащуюся в массовом воспроизводственном процессе, а не на очередную утопию, которая вновь насильно проталкивает нас по ухабам истории. Именно обоснованная альтернатива в наших условиях — главная задача прогноза.

Прогноз дает предполагаемым реформам ответы на вопрос о вероятности различных вариантов социальных процессов и о возможности внести изменения в реальный социокультурный процесс, повышающие вероятность благоприятных вариантов и снижающие вероятность неблагоприятных вариантов развития. В 1979 году можно было сделать вывод, что содержание альтернатив российского общества «определяется прежде всего самим промежуточным характером цивилизации. Она предполагает возможность по крайней мере трех вариантов прогноза.

Первый основан на предположении, что весь дальнейший обозримый исторический процесс пройдет при господстве модифицированных циклов, что окончание второго глобального периода откроет путь третьему модифицированному глобальному периоду в рамках промежуточной цивилизации. Этот вариант прогноза ставит вопрос о взаимном приспособлении уровня социального разнообразия, например, его насильственного сокращения, и социальных интеграторов, например, возможного их совершенствования по сравнению со вторым глобальным периодом.

Второй вариант предполагает возможность выхода за рамки промежуточной цивилизации, переход к либеральной, преодоление исторической инерции, циклического характера изменений. Этот вариант требует творческого создания социальных интеграторов иного типа, которые не только не боятся разнообразия, но наоборот — основаны на нем, на его росте.

Принципиально возможен и третий вариант — возвращение из промежуточного состояния к древней цивилизации, ликвидация прогресса и максимальное подавление роста, абсолютное господство циклов, периодически избавляющих общество от разнообразия. Этот вариант возможен лишь в том случае, если разнообразие в обществе будет доведено до уровня, характерного для глубокой древности.

Разумеется, каждый вариант может предполагать бесконечное множество подвариантов»³.

События показали, что хотя окончательный выбор между этими тремя вариантами не является одноразовым актом, тем

³ Ахиезер Л. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 304-305.

не менее уже можно сказать, что по своим ценностям общество устремилось по либеральному пути, по пути второго варианта. Тем не менее сохранение раскола — значимый фактор. Он свидетельствует в пользу того, что общество еще не вырвалось из «застрявшего» состояния, осталось в рамках первого варианта.

В прогнозе 1979 года говорилось: *«Советская система возникла как реакция инверсионного типа на старую систему и, следовательно, не могла не быть в каком-то смысле ее прямой противоположностью. Эту противоположность можно видеть прежде всего в существенном различии нравственных оснований, в противоположности дуальной оппозиции: национальное (выступающее в форме православия) — всемирность (выступающая в форме народной Правды как всеобщей и одновременно как воплощение науки). В первом глобальном периоде господствующей оказалась национальная идея, важнейшей формой выражения которой был тезис: „Москва — третий Рим“. В качестве его противников рассматривались нехристи, басурмане, паписты и т. д.»*⁴

Социальная катастрофа, крах государственности сопровождалась отступлением национальной идеи, инверсионным выходом на первый план противоположной идеи, т. е. всемирного братства бедняков («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). В качестве ее противников рассматривались богачи, эксплуататоры, империалисты, т. е. те, кто во имя корыстных целей разрушает всеобщее братство. Православие было оттеснено с господствующих позиций идеалом интернационализма, идеей единого советского народа.

Господство культуры манихейского типа в массовом сознании обоих глобальных периодов периодически порождало крайне острые формы борьбы между господствующим идеалом и идеалом, оттесненным на второй план. Борьба могла приобрести характер массового истребления разоблаченных оборотней зла. Противоположные идеи постоянно переходили друг в друга. Национальная идея превращалась в классовую (например, стремление к национальному возрождению в борьбе с правящим классом, который рассматривался как предающий свой народ); классовая — в национальную (рассмотрение определенных народов как буржуазных, как проводников идей классовых врагов). Тем самым идеологически готовилась очередная инверсия.

В прогнозе 1979 года предполагалось, что идеология, которая может возникнуть в третьем глобальном периоде и претен-

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 323.

довать на господство, «по-видимому, вновь будет носить гибридный характер, так как раскол, существование враждебных систем ценностей при слабом развитии культуры диалога не оставляет другой возможности. Видимо, вновь идеология будет носить характер некоего „псевдо“, т. е. фиксировать его некоторую претензию на то, чтобы быть тем, чем она является лишь отчасти. Это может быть и псевдопочвенная идеология в связи с ростом русского национального самосознания и одновременной невозможностью государства в России без определенного отхода от почвы, без ее критики во имя государственности. Это может быть в случае сохранения преемственности власти и псевдосинкретическая идеология с претензией на то, что именно теперь воплощена некая Правда Октябрьской революции»⁵.

В обществе, возникшем на основе либерализма, государство не смогло взять на себя выдвижение и официальную защиту некоторой государственной идеологии, рассмотрение ее как единственно возможной. Но нельзя, однако, исключить такого варианта в будущем. В прогнозе 1979 года проблема идеологического синтеза освещалась следующим образом: «Как идеологическая окраска нового синтеза, так и само его содержание во многом зависит от характера перехода от второго глобального периода к последующему. Если не сохранится преемственность власти, если разразится национальная катастрофа с вышедшим на улицу массовым озлоблением, с разрушительным накалом стихии анархии, если наши пока еще находящиеся в тени хомейни всплывут вверх на волне возбужденного синкретизма, то можно ожидать возникновение новой гибридной идеологии, внешне, но не по существу прямо противоположной существующей...»⁶, т. е. господствующей идеологии второго периода. В этом отрывке предполагалось, что новая идеология должна быть инверсионной противоположностью идеологии второго периода. Можно констатировать высокую вероятность инверсионного поворота от интернациональной официальной идеологии к национальной, определенного инверсионного рывка к исходной точке, т. е. к идеологии, близкой к идеологии первого глобального периода. Речь, разумеется, идет не о буквальном повторении, но лишь о тенденции. Она давно готовится в многочисленных изданиях, пытающихся свести счеты с периодом господства интернационализма. Для этого направления, однако, характерен не только национализм вплоть до его крайних форм, но прежде всего стремление создать идеологию на основе возврата к

⁵ Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 324.

⁶ Там же. С. 325.

архаичным ценностям. Производя рецепцию древнейших племенных языческих форм культуры, идеологи этого типа заняты не только естественной для каждого народа работой над осмыслением развития ценностей собственной культуры, но и попыткой положить их в основу жизни современного общества. На основе возврата к архаичным этапам развития культуры формируется идеология, которая при всех индивидуальных различиях пытается подчас вернуть общество из промежуточной цивилизации на путь традиционализма.

Это идеологическое направление защищает свою позицию ссылкой на необходимость развивать национальную культуру, национальную самобытность. При этом игнорируется, что эта бесспорная необходимость, этот важный аспект роста национального самосознания может развиваться бесконечным количеством путей. Из них подчас выбирается один — тот, который противостоит плюрализму, диалогу, специфике современного мира и независимо от субъективных намерений идеологов толкает к насильственному подавлению плюрализма и диалога.

Тем не менее в прогнозе 1979 года в условиях дефицита информации трудно было учесть значительное снижение массового эмоционального накала, ярости к врагам, ведущей к взаимоистреблению.

ПРОГНОЗ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

В основе прогнозирования дальнейшей динамики России должен лежать прогноз развертывания модифицированного инверсионного цикла, возможность качественных сдвигов в этом цикле, его дальнейшей модификации. Еще более конкретный подход требует анализа возможности сдвигов России как страны промежуточной, «застывшей» между двумя основными цивилизациями, прогноза возможности изменения этого состояния, смещения в ту или иную сторону. Для решения этой сложной проблемы необходим анализ факторов, которые по своим масштабам и значимости могли бы расцениваться как реально и потенциально способные изменить положение страны между двумя цивилизациями. Эти факторы могут быть по своей природе разнородными. Они могут быть рассмотрены с нравственной точки зрения, т. е. как изменения социокультурной значимости в обществе массовых идеалов, несущих в себе определенную программу единства воспроизводства общества. Эти силы могут быть рассмотрены как политические, способные доминировать в правящей элите и стать основой для

объединения общества на основе ее программы. И, наконец, эти силы могут быть рассмотрены с точки зрения реально сложившихся или складывающихся социальных и хозяйственных структур, представляющих собой некоторую опору для позитивных изменений. Возможны и иные факторы.

Самым динамичным нравственным идеалом, который должен быть учтен в процессе прогнозирования, является утилитаризм. Его значение видно хотя бы из того факта, что советская система могла возникнуть лишь на основе имевшего место значительного роста утилитаризма. Он проявляется как процесс разложения традиционного сообщества, его расщепления в процессе деятельности противостоящих друг другу людей, преследующих свои индивидуальные утилитарные цели, и одновременно как попытка самих сообществ подчиняться утилитарным целям. Очевидно, что эти две тенденции противоречат одна другой и могут даже принять характер разрушительного раскола.

Органический путь от традиционной к либеральной цивилизации лежит именно через развитой утилитаризм. Утилитаризм имеет длинную и сложную историю. Вначале он был замкнут на узко понятую пользу, на ее наращивание, на ожидание благ от внешних сил: идола, барина, власти. Затем он перерос в развитую форму, где блага расцениваются как результат собственного творчества, инициативы и личных усилий. Этот рост развитой формы сам проходит ряд этапов: от стремления увеличить поток благ, развивая инициативу в древних сообществах, до создания сообществ, подчиненных задаче получения возрастающей массы натуральных благ и денег. Такой процесс выражается прежде всего в увеличении численности людей, отказывающихся от принятия решений лишь на основе обычая, от веры во внешние силы и склонных искать новые организационные формы деятельности; тех, кто в большом обществе гибко и оперативно восполняет беспомощность государства в разных сферах. Для них проясняется связь оплаты с количеством и качеством затраченного труда, характерен постоянный поиск новых точек приложения усилий, они выступают как активная динамичная сила.

Ориентация реформаторов на умеренный утилитаризм неизбежна и необходима. Однако этот путь имеет тот недостаток, что он органически неспособен быть основой превращения рынка в господствующий фактор, в устойчивую форму хозяйственной жизни, он не может преодолеть господство монополии на дефицит. Хотя умеренный утилитаризм стимулирует приобретательство, но он не готов еще к преодолению статичных потребностей традиционализма. Напротив, ориентация на

развитой утилитаризм может стимулировать прогресс рыночных отношений, но одновременно она может способствовать развитию изощренных форм коррупции. Не следует забывать также, что развитой утилитаризм имеет сегодня слабую массовую базу, и ориентация на него некоторого меньшинства, даже если это меньшинство — высшая власть, может создать кризисную ситуацию в обществе в целом, конфликт с массовым ограниченным утилитаризмом. В принципе бесконфликтный рост развитого утилитаризма является главным фактором, определяющим возможность качественно новых альтернатив, преодоления исторической инерции. Он — стимул организационных сдвигов.

Прогнозирование развития утилитаризма — сложная задача. Неясно, какова определяющая закономерность его роста. Можно выдвинуть гипотезу, что утилитаризм растет по некоторой кривой, и до определенного предела его рост имеет слабый кумулятивный характер. Можно предположить, что в определенной социокультурной среде достижение им некоторого порога роста стимулирует нарастание массового и крайне опасного для общества дискомфортного состояния, и это может в конечном итоге сильно понизить уже достигнутый уровень частной инициативы, как произошло после октября 1917 года. Можно сформулировать общее предположение, что развитие утилитаризма зависит от его уже достигнутого ранее уровня и масштаба страны. Самые поверхностные наблюдения показывают рост утилитаризма в среде молодежи, стремление ее к торговле, обогащению и т. п. Тем не менее это не исключает возможности попятного движения. Можно, однако, надеяться на медленный прогресс, если он не будет прерван массовым насилием борцов за уравнительность, традиционализм, умеренный утилитаризм.

Тем не менее прогноз не может не учитывать мощного массового антирыночного поведения, которое выявляется эмпирическими методами. Даже в условиях кризиса неплатежей происходят странные вещи. «Посмотрите, как ведет себя большинство руководителей предприятий,— говорил тогда министр экономики России А. Нечаев.— Вместо того, чтобы снижать цены, продавать активы, продавать запасы материалов (их особенно много у оборонных предприятий), они приходят ко мне и говорят: „Дайте заказы, дайте деньги"»¹. Было бы странно, если бы они поступали иначе. В условиях господства монополии на дефицит смешно менять дефицитные материа-

¹ См.: Нарзикулов Р. Можно сменить правительство, но нельзя сменить проблемы: Министр экономики России Андрей Нечаев полон оптимизма// Независимая газета. 1992. 9 апр. С. 4.

лы, открывающие доступ к каналам иных дефицитов, на деньги, которые сами по себе не открывают новых возможностей, и тем более снижать цены, что связано с необходимостью модернизации и роста производства. Очевидно, эти люди инстинктивно защищают исторически сложившуюся систему монополии на дефицит, отвечая мощным противодействием на всякую попытку ее ограничить и тем более разрушить. Это, в сущности, *обычный тип поведения людей, защищающих систему отношений, в которую они интегрированы.*

В этой связи любопытно наблюдать иных наших современных богачей, тех людей, которые по тем или иным причинам стали получать большие деньги. Некоторые из них страдают угрызениями совести, полагая, что их нужно расстрелять за нарушение разделяемых ими нравственных норм. Это тип людей, которые некогда на заре русского капитализма мучились нравственной ущербностью, предосудительностью своей предпринимательской деятельности, помогали революционерам и воспитали детей, которые привели Россию к катастрофе. К сюжетам о таких персонажах не раз обращался, например, М. Горький. Они — предшественники тех жертв сталинского террора, которые искренне считали себя предателями, так как не вели достаточно «праведный» образ жизни. Это прежде всего свидетельствует о слабой нравственной базе бизнеса, что разъедает его изнутри.

Информация о *враждебном отношении к частной инициативе* часто появляется в нашей прессе. Например, сообщается, что «Алапаевск сегодня один из многих малых городов, где начались погромы цыган, армян, азербайджанцев, привозящих в города продукты питания, овощи, фрукты. Подобные факты стали почти ежедневно мелькать в средствах массовой информации. Исподволь формируется образ нового врага — предпринимателя, торгового посредника». Автор статьи задает естественный вопрос: «Как развивать предпринимательство, если даже в таких его примитивных формах, как цыганский „бартер“, оно нетерпимо в народе?»⁸

Несоответствие действий реформаторов массовым ожиданиям усиливает антирыночные настроения. Исследование Донецкого облстатуправления показало, что доля людей, выступающих против «вольного ценообразования», возросла. Число приверженцев рыночной экономики сократилось, а число противников увеличилось на 15%. Исследования, проведенные в Сибири, показывают, что «село плохо понимает, что такое...

⁸ Пашков А. Выстрелы в Алапаевск// Известия. 1991. 29 июня.

⁹ Лисовенко Н. Противников рынка в Донбассе стало больше// Там же. 1992. 4 апр.

„рыночный механизм“, а потому и опасается его. Если в целом за рынок выступает 21%, то в деревне всего 10 %»¹⁰. Симптомы массового дорыночного поведения достаточно многочисленны.

Сегодня, когда рынок кажется якорем спасения, из десяти лучших директоров только трое при тестировании на элементарные знания о рынке ответили на слабую «тройку»¹¹. По некоторым данным, лишь 4-5%, максимум 10% населения страны обладают истинной предпринимательской жилкой¹². Дело, однако, не только в проценте предпринимателей. Известный минимум их имеется, и они никогда не составляют большинства населения. Суть в другом: главная проблема — в способности основной массы населения терпеть их и сотрудничать с ними, работать с ними, наниматься к ним и уж во всяком случае не бороться за их уничтожение. Речь идет не о равнодушии, а о сопротивлении рынку. Это является старой традицией страны по отношению к рынку, превышающему некоторый приемлемый для большинства уровень.

Социологические исследования, показывающие приверженность рынку, не заслуживают доверия по той же причине, по какой по результатам выборов нельзя судить о развитии демократии. Люди обычно голосуют не «за», а «против», т. е. преобладает не позитивный идеал, а негативное отношение к власти, к тем или иным кандидатам. При результатах социологических обследований следует учитывать, что экономика находится в кризисном состоянии, что «преобладающая часть населения при дихотомической постановке вопроса „план — рынок“ выбирает рынок»¹³. Обследования, проведенные в июле 1991 года, показали, что лишь 3,9% опрошенных стали или настойчиво стремятся стать предпринимателями, тогда как 46% не хотят этого, 20,3% хотят, но ничего не делают для этого, 21% вообще не смогли ответить на вопрос о своем отношении к предпринимательству¹⁴. Положение мало изменилось с тех пор, как Г. П. Федотов написал: «Народ, в общем, готов признать элементарный, мелкий капитал, еще не отошедший от трудовой основы, но понимание функций круп-

¹⁰ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое// Известия. 1992. 31 июля.

¹¹ Вольский А. И. Мы самые богатые, но... бедные// Аргументы и факты. 1991. № 42. С. 4.

¹² Чернов Е. Централизм: цель или окно в будущее// Диалог. 1991. № 12. С. 50.

¹³ Основные направления дальнейшего осуществления социально-политических и экономических реформ в России. М., 1992. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 13.

ного капитала ему еще недоступно»¹⁵. Сегодня исследования приводят к выводу, что «большинство населения поддерживает введение частной собственности на мелкие предприятия и выступает против приватизации крупных фабрик и заводов... Психологически население страны тяготеет к коллективным формам собственности — арендным, акционерным, совместным предприятиям — и значительно меньше поддерживает кооперативы, частные фирмы, в том числе и иностранные»¹⁶. Более того, существует сопротивление сдвигам в образе жизни, которые могли бы приближаться к рыночным. «Цены растут, материальные проблемы все труднее решать, но многие по-прежнему не меняют образ жизни»¹⁷. Изменяющиеся обстоятельства, видимо, мало влияют на эти настроения, хотя именно на такого рода сдвиги и возлагали надежды реформаторы.

Возможно, более интересными, чем опросы, оказываются культурологические выводы, основанные на исследовании массовых реакций на телевизионные передачи. Массовая реакция людей свидетельствует о том, что нет угрозы «внедрения через телевидение и другие средства массовой информации американского образа жизни», культивирующего идею, что «человек — кузнец своего счастья». «Если нас сегодня что-то и привлекает в Америке, то не образ жизни, а результаты его — богатство, комфорт, культ здоровья... Судя по триумфу „Богатых“, „Никто, кроме тебя“, нам как раз ближе латиноамериканский способ бытия — сидение у моря в ожидании погоды и золотой рыбки. Латиноамериканизация нашей культуры — вот действительно реальная угроза, перед лицом которой мы сегодня находимся...»¹⁸

Это отставание России в отношении к рынку находит свое объяснение в наследии исторически сформировавшейся формы традиционализма. «Беды и тупики российской истории уходят корнями... в недостаточную зрелость, сформированность добуржуазной цивилизации, национальных культурных традиций»¹⁹. С одной стороны, формы исторической жизни России не изжили себя полностью, они содержали возможность определенного развития, прогресса в рамках традиционной цивилизации. Но, с другой стороны, эти возможности оказывались

¹⁵ Федотов Г. П. И есть и будет. Париж, 1932.

¹⁶ Основные направления... С. 12.

¹⁷ Ботанели Н. Инфляция растет, но люди не меняют свой образ жизни// Известия. 1992. 12 мая.

¹⁸ Богомолов Ю. Почему бедные страдают, когда «богатые плачут»// Там же. 11 сент. С. 8.

¹⁹ Хорос В. Ответы, порождающие вопросы: Размышления вокруг книги А. С. Ахиезера о России// Вопросы философии. 1993. № 2.

недостаточными с точки зрения не только мирового опыта, но и исторически сложившихся потребностей самой России. Например, община не исчерпала в начале века возможностей своего развития, но нет основания думать, что реализация этих возможностей была бы достаточной для общества. Подобное несоответствие потребностей и возможностей их удовлетворения обуславливает чудовищные трудности, которые стоят перед реформаторами, перед любым реальным движением к либеральной цивилизации. Для успеха необходимо не только формирование основ либеральной цивилизации, но и решение еще нерешенных проблем традиционной цивилизации.

Очевидно, детальное отслеживание массового утилитаризма в разных группах, анализ его перерастания из умеренного в развитой могли бы дать значительную информацию для прогноза динамики страны. Это исследование должно включать прежде всего выявление слоя людей — носителей хозяйственной инициативы, способных «заводы заводить», создавать новые воспроизводственные структуры. Такие люди есть, хотя и в явно недостаточном числе. Однако сейчас они все еще находятся в неблагоприятной среде и предпочитают зарабатывать в сфере обращения, а не производства. Видимо, нужны большие отрезки времени спокойного развития для превращения этого слоя в хозяйственно определяющий. Кроме того, все они склонны в той или иной форме к монополизму, к использованию дефицита, иными словами, если мы и идем к рынку, то весьма кружным путем. Сегодня прогнозирование не может опереться на достаточно ясные знания о перспективных сдвигах на микроуровнях хозяйственной жизни.

Указанные соображения не дают основания прогнозировать в ближайшее время существенное массовое возрастание значимости развитого утилитаризма. Медленное развитие утилитаризма создает возможность для медленных, растянутых во времени реформ, направленных на стимулирование и реализацию экономической инициативы, ограниченного экономического прогресса. При решении этой задачи большое значение имеет преодоление обществом, государством ситуации, про которую бизнесмены, пытающиеся начать дело, могут сказать, что «все схвачено», т. е. монополизировано, самостоятельное дело создать нельзя.

ПОИСК ЗНАЧИМЫХ ФАКТОРОВ ПРОГНОЗА

Задачи прогнозирования предполагают постоянный поиск реально и потенциально значимых факторов, способных существенно воздействовать на промежуточное состояние стра-

ны, способных вывести ее из этого состояния. Такие факторы неизбежно должны принять характер массовых действий, движений, сдвигов в активности людей, способных радикально изменить ситуацию в обществе. Именно анализ этих сил, отслеживание их динамики и реальных возможностей должны быть в центре внимания при прогнозировании. Например, отслеживание рабочих забастовок говорит о сохраняющемся преобладании инверсии. Бастующие шахтеры «не допускали никаких компромиссных решений...» Подавляющее число участников забастовок «настроено на гораздо более быстрые, если даже не немедленные перемены»²⁰.

Все перемены можно рассматривать через оппозицию двух движений. *Первое* — абстрактный либерализм, который в явной или скрытой форме *выдвигает задачу перехода страны к либеральной цивилизации*, но одновременно в силу специфичности исторического опыта страны *может выступать своеобразным прикрытием для самых различных течений и массовых стремлений*. Сложность природы либерализма в России и, следовательно, прогнозирования его роли в стране заключается в том, что *он имеет два источника развития. Во-первых, это мировая культура, культурное богатство мирового либерализма, которое постоянно стимулирует развитие либерализма в России. Во-вторых, это стимулы, идущие от развития утилитаризма в России, который в отличие от западного утилитаризма не имеет адекватного обоснования в элитарной культуре, не имеет санкционированной, достаточно укорененной массовой нравственной основы. Поэтому утилитаризм питает российский либерализм не вполне адекватным природе либерализма образом.*

Российский либерализм несет в себе все недостатки этого синтеза, эффективность которого всегда под вопросом, а раскол всегда очевиден. Отсюда абстрактность либерализма, неспособность противостоять хромающим решениям.

Адекватное развитие либерализма требует сложных решений, что, в свою очередь, вызывает необходимость в глубокой самокритике, во внутреннем диалоге, в критике исторического опыта России, в критике места и роли либерализма в этом процессе. Обнадеживающим представляется развитие в стране *консервативного либерализма, который ищет новый синтез российской реальности и мирового опыта либерализма*²¹. Здесь можно надеяться на конструктивное развитие либерализма,

²⁰ Кацва А. М., Жарков Б. Н., Михайлова Л. М. Трудовые конфликты на предприятиях России: проблемы урегулирования // Проблемы трудовых отношений в России в условиях перехода к рынку. М., 1992. С. 23, 24

²¹ Матвеева С. Я. Власть радикальная // Господин Народ. 1992. № 10.

который, в отличие от абстрактного, соизмерял бы свои решения с реальными процессами в обществе. Степень развития этого процесса, его значимость в обществе являются важным фактором прогнозирования.

Противоположным полюсом либерализма являются различные модификации так называемого почвенничества, или псевдопочвенничества, которые в той или иной форме и степени пытаются предложить стране программу выхода из промежуточного состояния через возврат к традиционализму. В этом движении, как и в абстрактном либерализме, не учитывается влияние раскола и роста утилитаризма. Поэтому оно практически и оказывается псевдопочвенным, выдвигающим ценности почвы, которых либо уже нет, либо вообще никогда не было. Оно, как и первое движение, представляет собой некоторый логический полюс, реальное нравственное содержание которого проблематично, а формирование на его основе функциональной социокультурной системы представляется утопичным, но это не исключает, однако, возможности превращения лозунгов этого движения в господствующие на каком-либо ограниченном отрезке времени.

В принципе, оба эти течения нуждаются в мощной критике и самокритике, так как они всегда суть нечто иное, чем то, за что они сами себя принимают и выдают. Существование такой дуальной оппозиции с логической неизбежностью ставит задачу постоянного поиска меры между полюсами. Сложность ее поиска заключается в том, что мера не сводится к случайному манипулированию полюсами, к поиску некоторой «пропорции» между ними. Мера может быть найдена лишь в процессе постоянного углубления обеих точек зрения, постоянного их взаимопроникновения на все более глубоком содержательном уровне. Эта сложная задача требует, не в последнюю очередь, повышения уровня интеллектуализации этого цивилизационного по своей сути спора между либерализмом и традиционализмом.

Следующей дуальной оппозицией прогнозирования является оппозиция *«монополия на дефицит — рынок»*. Прогноз должен выступать как постоянный поиск меры между ними, а реформа — как маршрут достижения этой меры.

Необходим прогноз динамики соотношения между разными типами монополии, прогноз перехода от господства одного уровня монополии к доминированию другой, перерастающий в прогноз возможности оттеснения монополий на дефицит всех уровней под нажимом рынка.

Сложность этого прогнозирования заключается не только в недостатке значимой информации. Дело в том, что эта оппо-

зия неизбежно несет в себе иллюзорное представление, определяемое не столько стремлением идентифицировать себя с традиционной для России системой оппозиций «авторитаризм — соборность», осложняемой утилитаризмом и затем либерализмом, сколько стремлением адаптироваться к абстрактным альтернативам «реакция — прогресс», «демократия — реакция». Речь, разумеется, идет не о необходимости замены вторых оппозиций первыми, но о постоянном поиске меры.

Важным условием прогнозирования является *постоянный поиск новых явлений*, которые могут оказать значимое влияние на содержание прогноза. Анализ показывает, что существуют глубокие процессы формообразования различного рода сообществ, социокультурных форм, занятых различного рода воспроизводственной деятельностью. В этой области много деклараций и обещаний, вплоть до перевода всего хозяйства страны на артельные формы, имеющие в истории страны свою традицию, которая, однако, подавлялась еще в первом периоде. Тем не менее этим процессам необходимо уделять максимальное внимание. Соблазнительность активизации артельных форм производства заключается в том, что их можно интерпретировать, если прибегать к языку Запада, как возможность «союза труда и капитала». В России артельную форму можно рассматривать как форму производственного патернализма, как попытку вернуться в промышленности к идее А. С. Хомякова, что помещик крестьянину родной кровный брат. Эта мысль, однако, не нашла своего подтверждения в дальнейших событиях. Тем не менее она не может игнорироваться как одна из форм преодоления противоречия между двумя тенденциями — либеральной и традиционной. Если предположить возможность ее реализации в массовом масштабе, из нее можно было бы сделать ряд выводов прогнозного характера, в частности, о возможности усиления локализма и затем медленного его преодоления на основе способности этих сообществ вступать друг с другом в рыночные отношения. О скорости этого процесса пока говорить невозможно из-за отсутствия информации. Другой — противоположный — вывод заключается в том, что артельные сообщества могут усилить политическое влияние местных бизнесменов и их объединений, которые смогут управлять забастовочным движением и, следовательно, оказывать мощное, возможно, разрушительное воздействие и на политическую жизнь, на центральную власть в пользу локализма. Все это, однако, требует дальнейшего исследования.

Подобный путь подчас отождествляют с японским. Это сравнение не лишено смысла. Однако не следует забывать, что исторически японская культура, японский менталитет совер-

шенно иные. В Японии давно сформировались достигательные ценности. Следовательно, здесь прямое заимствование невозможно.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРОГНОЗ

Содержание прогноза в определенной степени определяется успехами политики правительства, ее эффективностью, способностью контролировать события, определять ход событий. Низкий уровень этой политики означает, что для прогноза ее позитивное значение может оказаться не слишком большим. Она может играть даже роль фактора дезорганизации. Слабость власти соответственно усиливает значимость для прогноза спонтанных стихийных процессов. В качестве своеобразной лакмусовой бумажки для определения эффективности этой политики можно рассматривать «либерализацию цен».

Определенные итоги этой политики, составляющей сердцевину реформы, позволяют констатировать следующее. *Во-первых*, до ее начала *цены были случайны по отношению к их экономической сути*, в частности, случайны по отношению к исторически сложившимся издержкам производства, обращения и т. д. Цены на сырье были занижены, а цены на продукты обрабатывающей промышленности, машиностроения завышены. В результате предметы потребления оказывались недоступными для потребителя без государственной дотации. Исторически сложившаяся система цен была проводником и носителем всех уродливых беспрецедентных отношений между потреблением и накоплением в национальном доходе. Вся система формировалась в результате стремления власти перераспределять потоки ресурсов, исходя как из исторической зависимости значительной части промышленности не от рынка, а от государства, так и из стремления власти перераспределять ресурсы, опираясь на различные, часто сугубо идеологические соображения, далекие от хозяйственных. «*Либерализация цен*» в этой ситуации означала сокрушительный удар по всей системе хозяйственных отношений в стране, по сложившемуся порядку, независимо от того, хорош он был или плох, буквально в каждой клеточке хозяйства, по системе социальных отношений, сложившихся культурных стереотипов. Однако этим дело не кончается, но лишь начинается.

Во-вторых, сами издержки производства в условиях господства монополии на дефицит могли быть случайны, так как основывались на случайных ценах, включали в себя неоправданные затраты: воровство, перекачку средств в другие отрасли, разгильдяйство, стремление увеличить затратные по-

казатели. Поэтому *«либерализация цен» неизбежно должна была вызвать легализацию этих подчас разорительных разбойничьих издержек*, превращающих богатство общества в мусор, труху. Но и это еще не все.

В-третьих, отпуск цен при отсутствии в обществе механизма снижения издержек производства, кроме административного, который был сокрушен на этапе перестройки, означал *сигнал к повышению этих издержек*, «инфляцию издержек», подчас совершенно беспардонную, включая в некоторых случаях фантастическое повышение зарплаты, не оправданное производительностью, но явившееся результатом использования монополии на дефицит. Но и это не все.

В-четвертых, в этом расточительном обществе постепенно в результате исчерпания различного рода источников ресурсов, от разрушительной эксплуатации крестьянства до прекращения золотого потока нефтедолларов, возникла ситуация, когда и сельское хозяйство, и большинство отраслей промышленности стали производить отрицательный чистый доход, т. е. работали в убыток, что выражалось в некупаемости издержек производства. В этой ситуации *«либерализация цен» вывела наружу раньше скрытый внутренний неразрешимый хозяйственный конфликт*, невозможность естественного механизма распределения ресурсов между отраслями через установление цен равновесия. Тем самым *«либерализация цен» раскрывала тайну псевдоэкономики*, т. с. нарастание неспособности к самокупаемости, снижение способности производить чистый продукт. Раньше эта тайна маскировалась принудительной перекачкой ресурсов государством, постоянным поиском источников этих ресурсов — от ограбления крестьянства и природы до иностранных займов и попытки печатания при Сталине фальшивых долларов. Теперь, однако, положение изменилось, и «либерализация цен» открывает поле для ожесточенной борьбы за ресурсы, открытой гонки цен между разными группами держателей дефицита. Эта борьба принимает мифологические формы, т. е. рассматривается как борьба с коррумпированным начальством, с мировым капиталом, с предпринимателями и т. д., которые якобы злодейски оставляют нас без ресурсов. Трагедия этой борьбы не только в ее мифологичности, фетишизме, но и в том, что, вообще говоря, она ведется вокруг ресурсов, которые еще надо воспроизводить, без ясного представления о реальном объеме ресурсов, которые могут расходоваться. Например, депутатов при обсуждении размеров пенсий, кажется, мало интересовало, есть ли в стране ресурсы для их увеличения. Для подобных обсуждений вообще характерно полное отсутствие интереса к увеличению ресурсов, ко-

торые бы в минимальной степени отвечали бурной активизации потребности в «справедливом» распределении.

В-пятых, все это может привести к резкому обострению конфликтности в обществе. Когда общество не желает в должной степени использовать полезную конкуренцию, экономические противоречия, способствующие росту и развитию, в этих условиях создание определенных предпосылок для экономической конкуренции неизбежно приводит к повышению социально-политических конфликтов, направленных на «справедливое» распределение уменьшающегося пирога.

Неспособность реформаторов владеть ситуацией приводит к явлению, которое присуще теряющему влияние нравственному идеалу, т. е. происходит уход жизни из системы. На подобное явление обращает внимание, например, постановление второго съезда Межрегионального биржевого союза, где констатируется, что практически вся торгово-посредническая и частично производственная деятельность переместилась в сектор теневой экономики и черного рынка. Значительная часть сделок вытесняется в нелегальную область. Все чаще контракты заключаются в обход бирж и законов²². Единственное рациональное объяснение «либерализации цен» заключается в том, что *власть пыталась лишь легализовать и упорядочить то, что произошло стихийно в результате напора локализма.*

Влияние государства на хозяйство шло не только по пути легализации роста издержек, устранения препятствий для их роста, т. е. для инфляции издержек, но и по пути, способствующему инфляции спроса. Она — неизбежный результат попыток повышения дохода рядового потребителя, результат необходимости его участия в потреблении в условиях разрушения исторически сложившейся системы монополии на дефицит.

Уже здесь можно видеть две расколотые, дезорганизующие друг друга политики. С одной стороны, политика, открывающая возможность инфляции издержек, что оттесняет потребителя от потребления, создает элитарный рынок. С другой стороны, политика, стимулирующая инфляцию спроса, что, наоборот, максимально расширяет круг потребителей. Обе формы инфляции переходят друг в друга и друг друга стимулируют. Но первая политика, по сути, непосредственно укрепляет систему монополии на дефицит, ставя ей на службу механизм цен. Вторая действует в противоположном направлении. Делаются попытки преодолеть монополизм держателя дефицита, непрерывно поднимая доходы потребителя, тем са-

²² См.: Демченко И. Теневая экономика на территории бывшего СССР вытесняет легальный бизнес// Известия. 1992. 27 мая.

мым пытаюсь сбалансировать спрос и предложение. Поскольку это происходит в денежной форме, возникает тенденция независимости потребителя от конкретной монополии. Одновременно политика, ориентированная на инфляцию в любых формах, противостоит политике, ведущей к формированию рынка.

ОПЯТЬ РАННИЙ АВТОРИТАРНЫЙ ИДЕАЛ?

Определяющий характер хозяйственной системы монополии на дефицит, борьба между разными уровнями субъектов монополии как важнейшее содержание хозяйственной жизни, осознание обществом необходимости защиты элементов рыночного хозяйства от монополий означают, что *в обществе существуют мощные факторы, которые постоянно будут стимулировать разрешение проблем на пути усиления авторитаризма*. Сама борьба разных уровней монополии на дефицит включает и борьбу высшей власти за свою монополию, т. е. обращение к авторитаризму в масштабе общества. Возможность роста дискомфорта в результате массового соборного локализма также несет в себе угрозу авторитаризма. Рост дискомфорта очевиден. Налицо массовый шок. Старая жизнь рухнула. Она стала «бывшей», и бывшими стали мы. Шок возник в результате «необходимости оперативно перестраивать весь свой психологический аппарат принятия решений», в результате расслоения, того, что «людям приходится расставаться со многими жизненными иллюзиями». Очевиден «крах всей прежней жизни при не слишком-то больших надеждах приспособиться к жизни новой»²³. Народ чувствует себя обманутым во всех чаяниях. Это неизбежно приводит к *накапливанию потенциала новой инверсии*. Рано или поздно инверсионная волна локализма себя исчерпает, и массовая волна может обратиться к авторитаризму, способному, как многие полагают, подавить хаос, «справедливо» распределять ресурсы. На пути реализации этой возможности, однако, лежат другие возможности: осознание значимой части общества соответствия этого варианта потере стабильности.

Традиционализм постоянно наряду с локализмом рождает авторитаризм. Исследования показывают, что если в городах Сибири за возврат к жестко-административным методам управления выступает четверть всех опрошенных, то среди селян «стать объектами жестко-административного воздействия

хотели бы две трети»²⁴. При этом не следует забывать, что в Сибири не было помещичьего крепостничества. К авторитаризму толкает и крайняя слабость государственной власти, а это стимулирует представление, что авторитаризм и есть путь к ее укреплению.

Подчас установление авторитаризма представляется упрощенно как результат некоторого тайного сговора властных структур: номенклатуры, армии, военно-промышленного комплекса и т. д., т. е. эта проблема рассматривается в свете теории заговора. Более вероятным представляется сценарий, когда те или иные властные структуры будут более настоятельно усиливать свое повседневное влияние на принятие решений, стимулируя рост массового недовольства, общей дезорганизации, следуя призывам снизу восстановить уравнилельное распределение. Другой движущей силой может быть активизация имперских ценностей, инициируемая психологической и другими формами давления народов, вставших на путь национального развития, движения к независимости. Давление этих двух сил может вызвать к жизни весьма реакционную форму авторитаризма. Такого рода настроения не редкость. Например, «наблюдатели считают умеренный авторитаризм в России практическим неизбежным, и только является вопросом, сколь быстро он перерастет из умеренной фазы в неумеренную»²⁵. К авторитаризму толкает кардинальная неспособность общества молниеносно, как это соответствует массовым ожиданиям, создать какие-то качественно новые, принципиально более эффективные политические, экономические и прочие механизмы.

Важнейший вопрос — это характер авторитаризма. Авторитаризм возможен, как показывает опыт нашей истории, в результате гражданской войны, победы одной из сторон в ней, и тогда на побежденных, как на противников некоторой манихейской идеологии, обрушиваются террор и расправа. Но авторитарная власть, возникающая в сравнительно спокойной обстановке, может быть этапом на пути к рынку и даже, в конечном итоге, к демократии. Она может рассчитывать на поддержку по крайней мере части либералов. *В принципе переход к авторитаризму несет в себе альтернативу между традиционалистским авторитаризмом, авторитаризмом, склонным перерасти в тоталитаризм, и возможностью либерально-авторитарного идеала.* Можно как угодно относиться к такой перспективе, но невозможно ее игнорировать.

²⁴ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое.

²⁵ Злотин Л., Соколов М. Российские органы власти: когда нас всех пошлет товарищ Ельцин// Коммерсантъ.. 1991. № 37. С. 3.

Важнейшим условием авторитаризма является незрелость демократии. Она «не смогла найти у нас того гражданского общества, надстройкой над которым только и может быть демократия. Поэтому у нас демократия оказалась достаточной для разрушения тоталитаризма, но совершенно непригодной даже для того, чтобы хотя бы дать 15 соток земли даже при великом изобилии земли. Демократия выродилась в схватки за микрофоны в залах выборного органа. Сами по себе демократы — без аппаратных сил — оказались не способными руководить»²⁶. Отсюда вывод: «Основным действующим лицом должна стать исполнительная власть». Г. Попов предлагает, в частности, приостановить деятельность всех советов, ограничиться раз в пять лет выборами Президента России, губернаторов земель, мэров городов и старост поселений. Остальные руководители «должны назначаться вышестоящими выборными административными руководителями». При этом предлагается ввести систему федеральных земель²⁷.

Подобное отрицание авторитаризмом исходного начала исторического периода (в данном случае демократического) не является в истории страны необычным делом. В двух предшествующих глобальных периодах изначально влияние соборности оказалось нефункциональным. В первом случае она превратилась в авторитаризм монархической власти, во втором — была вытеснена властью партии нового типа. Существуют различные формы авторитаризма. Его наступление может сопровождаться борьбой между его разными версиями, между авторитаризмом как разновидностью вечного идеала и теоретически возможным либерально-авторитарным идеалом, переходящим в либерально-почвенный. Нельзя исключить, что борьба за второй вариант в рамках авторитаризма может стать реальной нравственной проблемой для либералов.

Переход от завершающего этапа второго периода («перестройка») к первому этапу третьего, несмотря на четкие даты — 19-21 августа, 8 и 25 декабря 1991 года — был по сути постепенным, так как в обоих этапах значительную роль играло стремление осуществить либеральный идеал. Перерыв постепенности и крах советской государственности внешне произошел в результате инверсионной попытки так называемого августовского путча. На самом деле этот крах надвигался давно. Авторитарные устремления зародились еще в конце горбачевского этапа — в виде неудачной попытки установить президентский режим. Попытка насильственного утверждения режи-

²⁶ Попов Г. Х. Что дальше? Заметки по текущему моменту// Известия. 1991. 3 окт.

²⁷ Там же.

ма ГКЧП была уже прямой заявкой на восстановление авторитарной власти. Тема авторитаризма постоянно звучит в обществе.

Обычно эта проблема рассматривается в масштабе общества в целом, раньше — в масштабе СССР, теперь — России. Однако авторитаризм может устанавливаться и в регионах. Более того, каждое локальное образование, получившее определенную самостоятельность, в процессе нарастания соборного локализма может строить свою жизнь в своих собственных рамках на основе авторитаризма. Одна из черт локализма как раз и заключается в том, что он под лозунгом демократии тяготеет к независимости от центра на основе тенденции к авторитаризму. Причем в локальном мире авторитаризм может носить значительно более жесткий догуманистический характер. Поэтому торжество локализма может оказаться предпосылкой для торжества системы авторитарных сообществ. При этом может остаться открытым вопрос о характере обратной авторитарной волны, т. е. не приведет ли она к укреплению авторитаризма в локальных мирах, не захлестнет ли общество в целом, т. е. не произойдет ли установление авторитарной власти центра над всеми локальными мирами или над частью из них.

Проблема возможного авторитаризма исключительно важна. Россия после каждой катастрофы стояла перед перспективой распада. Однако каждый раз ее объединяла внешняя опасность, активизировавшая элементы государственности. Большевику удалось предотвратить распад на основе соединения идеи государственности с массовыми утилитарными стремлениями к идее Правды, носящей мессианский характер. Теперь, однако, положение принципиально иное. Внешней опасности нет. Идеология большевизма не только обанкротилась, но и породила обратную инверсию, либеральную волну, которая крайне плохо даже в модифицированном виде сочетается с авторитаризмом. Это может стимулировать вялый характер инверсионной волны. Более того, не исключено, что инверсионная волна может сама распасться на регионы, а авторитаризм в специфических условиях регионов способен, опираясь на местные традиции, приобрести крайние формы или, наоборот, стать слабым, бессильным. Без сомнения, авторитарная волна имеет тем больше шансов выйти за рамки отдельных регионов и охватить все общество, чем сильнее будет разруха в результате распада и возможного ожесточения, чем непримиримее окажутся прямые столкновения между расправшимися частями, выше уровень всеобщей дезорганизации. Следовательно, важнейшая проблема прогноза заключается в прогнозировании не

только возможности и характера авторитаризма как основы интеграции в результате выявления нефункциональности соборного локализма, но и способности авторитаризма выйти за рамки локальных миров, распавшихся частей, охватить все общество. Сегодня на пути авторитаризма стоит высокий уровень дезорганизации общества и государства, но и мощь локализма, пока не склонного сгибать шею перед центральной властью.

РЕФОРМА И ПРОГНОЗ

Очевидно, идеалом должна быть такая реформа, которая, с одной стороны, обеспечивала бы реализацию назревших в обществе целей, сложившихся потребностей, а с другой стороны, могла бы в силу своей обоснованности быть положена в основу прогноза. Промежуточный характер ситуации, в которую попала страна, означает, что в основе реформы не может и не должна лежать альтернатива инверсионного типа, исключаящая всякие полутени: либо рынок, либо административная система. Инверсионный подход хорош в логике, где он дает общеметодологическую основу для последующего конкретного анализа социокультурных процессов, но не как непосредственная модель решения реальных сложных проблем. Каждое общество имеет свой рынок, отличный от всех других. Более того, динамика любого общества включает и изменение места и значимости рынка в обществе. Реальная экономическая реформа может иметь шансы на успех, если пойдет по пути поиска меры между логическими крайностями. Господство в обществе дорыночных, натуральных отношений не исключает возможности ограниченной сферы рыночных отношений. Они могут быть ограничены запретом на изменения исторически сложившихся отношений (например, патриархальных, дружеских, трудовых), которые могут быть вызваны ростом торговли, потребностями в новых видах производства и т. д.²⁸

Необходима разработка маршрута изменения рыночных отношений, включающего возможность маневра, отступления, учета исторически сложившихся циклов, альтернатив. Это методологическое условие *предотвращения опасности быстрого или медленного превращения реформы в контрреформу*. Поиск меры, по сути, есть поиск альтернатив. Постоянная работа над альтернативными вариантами на случай провалов и неудач реформы является жизненной необходимостью.

²⁸ Ахиезер А. С. Какой рынок нам нужен// Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8.

Эта мера должна воплотиться в тонкую и сложную политику, чтобы пройти между Сциллой и Харибдой двух грозных опасностей: между деградацией от подавления инициативы и ростом массового дискомфорта в результате укрепления элитарного рынка, тесно связанного с удушающим наступлением монополий.

Эта мера должна пролегать на грани умеренного и развитого утилитаризма, на грани поддержки имеющихся в обществе реальных рыночных сил, частной инициативы и соответствующих ограничений монополии на дефицит.

Проблема эффективной реформы не сводится к построению некоего хитроумного плана в рамках сложившихся представлений, до комбинации которых наконец додумалась какая-то умная голова. Проблема упирается в необходимость коренных сдвигов в самом подходе к способу решения проблем, в конечном итоге, качественных сдвигов менталитета. Необходимо прежде всего мышление, нацеленное на преодоление хромающих решений. Необходимо мышление, которое преодолевало бы представление, что человек в обществе имеет дело с простыми процессами. Необходимо развивать методику разрешения проблем крайне сложных объектов. Например, проблем развития больших городов как систем большой сложности²⁹.

Большой город — частный случай ситуации, в которой находится наше общество в целом. Незрелая система принятия решений неизбежно приводит к социальной патологии в возрастающих масштабах. Очевидно, необходимо хорошо знать запреты, налагаемые спецификой системы, так как их нарушение вызывает нарастающую дезорганизацию общества. В качестве примера таких запретов можно указать на невозможность существования общества, обеспечивающего массовую потребность в росте потребления благ и одновременно отстающего в своих потребностях в росте соответствующего производства, на невозможность существования общества, стремящегося к росту и развитию на основе дорыночного хозяйства, на несовместимость господства системы хромающих решений и механизмов прогрессивного развития общества и т. д. Без исследований в этой области невозможно понять, что с нами происходит.

Важнейшим, достаточно простым, даже элементарным требованием к реформе должна быть ее обоснованность историческим опытом, превращение его в предмет исследования и критики. Например, невозможно реформировать сельское хозяйство, если не знать, что в Московской Руси правительству

²⁹ Гольц Г. А. Проблемы развития большого города// Энергия: экономика, техника, экология. 1989. № 1. С. 42-45.

часто приходилось прибегать к принудительному распределению хлеба: «Чтобы всяких чинов люд изо всех Понизовых и Украинских городов всякий хлеб везли к Москве и на Москве продавали мерного ценою не из больших прибытков». Не исключалась и конфискация. Например, в одном указе говорилось: «И мы, Великий Государь, указали и бояре наши приговорили: для нынешние хлебные торговли и для прокормления служилых и всяких скудных людей... взять стрелецкий хлеб и из того сборного хлеба дать... наше годовое хлебное жалование»³⁰. Вся последующая история изживала эти механизмы, чтобы через хромающие решения вновь к ним вернуться. Налицо застарелый раскол между городом и деревней, и сегодня представляющий собой осевую проблему. Исследования показывают, что «почти по всем позициям горожане и селяне противостоят друг другу. Особенно выразительными становятся различия, когда речь заходит о поисках путей выхода из кризиса»³¹. Сельское хозяйство выступает как система естественных монополий на дефицит, пытающихся усилить свою монополию в борьбе с другими монополиями.

Попытка свести реформу к некоторому конструктивному решению, нацеленному на наведение порядка в той форме, как эта задача представляется в сегодняшней повседневности, в отрыве от накопленного исторического опыта невозможна. Замысел реформы начинается с критики повседневности (например, нехватки продуктов, повсеместных очередей, несправедливости и т. д.). *Однако реально реформа является не только и не столько критикой этой повседневности, но и критикой накопленного исторического опыта.* История всегда с нами. Она существует в программе наших повседневных действий, которые мы можем не рефлексировать. Но тем не менее инерция исторического опыта диктует нам поступки, действия, пока мы не согласились изменить программу поведения, воспроизводства.

Трудность реформы в России объясняется расколотостью исторического опыта между традиционализмом, усеченным либерализмом и утилитаризмом, между их воспроизводственными программами. Специфика России в том, что ни одна из этих программ не смогла стать основой для выхода из кризиса, и это вновь и вновь создавало неопределенность дальнейшей динамики страны.

Если государство стремится бросить всю силу своей власти и авторитета на усиление значимости движения к либеральной

³⁰ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. Т. 1. С. 88.

³¹ Коган В., Вавилина Н. У каждого третьего сибиряка настроение «в основном» плохое.

цивилизации, то, следовательно, оно должно облечь свои решения в правовую форму. Вместе с тем невозможно надеяться на то, что систему господства монополии на дефицит можно одновременно уничтожить путем законодательного запрета. Невозможно также рассчитывать, что, обеспечив этим монополиям свободу, стихийная самоорганизация в обществе установит хозяйственный порядок. В борьбе с монополией на дефицит государство должно облечь свои действия в юридическую форму, т. е. создать систему законодательства, которую общество способно реально воплощать в жизнь, направляя ее прежде всего на поддержку массовой частной инициативы, мелких предпринимателей, ремесленников, кустарей, фермеров, их объединений. Возможности государства обеспечивать воплощение своих законов не безграничны. Поэтому в каждый момент времени государство должно стремиться не к абсолютной победе, например, к полному и одновременному уничтожению монополий на дефицит, но к установлению определенных рамок для них, соразмерных со своей способностью реально держать монополии в этих рамках. При этом никогда нельзя забывать, что успехи в борьбе против монополий на дефицит в конечном итоге определяются не самой административной властью, но способностью общества заместить функции монополии на дефицит иными механизмами, т. е. рынком, конкуренцией. В противном случае борьба государства с монополиями, которые растут из каждой клеточки общества, бесперспективна. В этом случае неизбежно, независимо от намерений людей борьба против монополии на дефицит фактически будет борьбой между собой ее разных форм и уровней.

Поиск меры между полюсами при проектировании и воплощении реформы должен выступать в разных формах. В попытках найти меру между развитием рынка и сохранением исторически сложившихся монополий на дефицит необходимо, очевидно, фокусировать внимание на развитии тех форм рынка, которые в сложных и хаотических условиях современной разрухи оказываются менее задействованы в сложной системе хозяйственных отношений. Это прежде всего торговля, добыча сырья, сельское хозяйство. Это мелкий бизнес, малые предприятия. Необходимо всеми силами избегать того пути развития промышленности, который начался задолго до конца первого периода, до 1917 года,— развития монополистического производства, подавляющего кустарей, ремесленников, мелкое производство, т. е. массовую почвенную инициативу, что, без сомнения, сыграло роковую роль в хозяйственном развитии страны.

Абстрактный подход к реформам порождает глобальные инверсионные тенденции. Реальные возможности, однако, лежат в другой плоскости, хотя они и не отвечают массовым ожиданиям очередного чуда. Государство не может одним ударом уничтожить монополию на дефицит, так как сила исторической инерции несоизмеримо велика по сравнению с силами чиновников. Государство в поддержке мелкого бизнеса стоит перед трудной задачей несоизмеримости политического давления на власть мелкого бизнеса и монополии на дефицит. Сегодня рост малых предприятий явно замедлился, так как, наряду с другими причинами, возросла необходимая сумма первоначального капитала. Это крайне неблагоприятный симптом, который стимулирует прогноз последующей динамики прежде всего как битвы монополий при слабом росте рыночных сил.

Важнейшая проблема реформы заключается в том, что в реальности российского хозяйства переплетены, перепутаны два взаимоисключающих принципа, связанные с двумя цивилизациями. Реформа практически мыслится как очищение общества от одного из цивилизационных компонентов и развитие другого. Между тем формирование всей социокультурной жизни общества на протяжении всей истории происходило под постоянным воздействием раскола. Значит, одними абстрактными методами (например, воздействием финансовой системы) разделение этих элементов немислимо, так как эти принципы заглублены в повседневную деятельность. Существует точка зрения, что необходимо избрать метод *рыночной реорганизации*. Государство само должно было «конструировать» национальный рынок, преобразуя планово-распределительные структуры управления во вспомогательные структуры конкурентного рынка³².

Гибкое лавирование — трудный путь. Оно лишено тупой прямолинейности и однозначности. Оно не обещает чуда и требует от власти сложных решений, способных не только прямолинейно вести к цели (возможно, утопической), но и манипулировать вариантами, искать обходные пути и т. д. Это путь медиации. Это очень трудно в обществе, где от реформы требуют простоты, быстрого спасения и последовательности. Быстрота в сочетании с якобы простотой победы утопизма над реальными возможностями общества лежала в основе торжества большевизма. Последовательность же в расколотом обществе, где любое значимое решение немедленно вызывает активизацию противоположных стремлений, — трудно достижимый идеал. Общество может отойти от края пропасти лишь через

³² Ольшевич Ю. Я. Рекомендации МВФ: вариант для СССР? М., 1991. С. 50.

способность принимать решения, которые по своей сложности и глубине поднимаются до уровня сложности самого общества, его проблем.

Удача реформы означала бы успех в движении к либеральной суперцивилизации, формирование ее важных элементов. Неудача реформы означала бы сохранение общества в состоянии промежуточности, неспособности выхода за ее рамки, еще одно проявление слабой способности общества формировать перспективную альтернативу.

Как это ни странно, но сегодня, быть может, важнее не то, какие именно меры предлагают и пытаются реализовать реформаторы (так как каждая из них в условиях господства хромающих решений рискует превратиться в свою противоположность), но изменение метода подхода к реформе. Пока еще не выявилось достаточно явных элементов, свидетельствующих о том, что реформаторская деятельность привела или приведет в ближайшее время к значимому развитию рынка. Элементы рынка в стране и сегодня воплощены в толпе перекупщиков, заполонивших тротуары около метро и магазинов, перепродавая все, что им удалось достать раньше других. Возможно, эти толкучки — необходимый элемент развития рынка, и здесь формируются будущие бизнесмены. Но сегодня невозможно надеяться, что финансовые манипуляции правительства приведут к торжеству рыночного хозяйства. Современная хозяйственная ситуация не сводится к борьбе рынка и дорыночных отношений. Банкротство государства как высшего держателя дефицита вынудило его переложить расходы по содержанию общества на держателей дефицита низших уровней, на само общество в той степени, в какой это возможно, пытаясь одновременно сохранить доступ большинства к некоторой пайке. Это открывает путь для борьбы друг с другом разных форм монополии на дефицит, осложняемой существованием на заднем плане элементов рыночных отношений. Ожесточенного столкновения следует ожидать между промышленными и аграрными монополиями. Их попытка договориться о взаимоприемлемых ценах не имеет шансов воплотиться в устойчивое согласие. Оно будет постоянно нарушаться, обходиться прямо или косвенно обеими сторонами. Крестьян всегда будут не удовлетворять цены на промышленную продукцию, которые будут для них слишком велики из-за низких доходов. Попытка же увеличить доходы сельского хозяйства за счет роста цен на его продукцию будет неизбежно делать эту продукцию неподъемной для горожан из-за огромных издержек сельскохозяйственного производства и его низкой производительности. Впрочем, массовый импорт продовольствия может изменить

ситуацию. Следует ожидать, что *общество будет искать выход прежде всего в борьбе разных монополий за дотации*, а власть судорожно искать средства для них, и не в последнюю очередь — в инфляции. Именно сейчас военно-промышленный комплекс и получил такую дотацию в значительных размерах. Курьез в том, что это делает то же самое правительство, которое поставило своей целью погрузить общество в рынок.

Борьба за дотации и против них, вокруг их распределения — важнейший элемент хозяйственной и политической жизни.

Правительство вынуждено в процессе нарастания массового разочарования отступить, вести политику хромающих решений, проводить две взаимоисключающие, взаиморазрушающие друг друга политики одновременно. Налицо попытка одновременно жать на газ и на тормоз. Правительство пытается лавировать между разными типами монополий на дефицит, пытается сохранить некоторое равновесие между ними, выиграть время в надежде, что заработают рыночные механизмы, что те, кто требует новых дотаций, каким-то образом повысят эффективность своего производства, освободят власть от необходимости дотаций и будут стоять на собственных ногах. Если оставить элементы маниловщины, то практически эта ситуация объективно будет толкать высшее руководство (вопреки собственной философии или в соответствии с ней) к тому, чтобы восстановить, хотя бы частично, свое положение как держателя дефицита. В противном случае оно окажется беспомощным перед лицом битвы гигантов за ресурсы при ограниченной способности воспроизводить последние на приемлемых для общества условиях. Следует иметь в виду, что в этой борьбе монополий за дефицит речь идет о самом существовании псевдоэкономических структур, о борьбе за существование нерентабельных предприятий и отраслей, в которых заняты десятки миллионов людей.

Нельзя закрывать глаза на то, что сегодня сельское хозяйство, как и церковь, как и промышленность, еще никогда не были так независимы от административной власти государства, за исключением, может быть, кратковременного периода после февраля 1917 года.

Поэтому можно прогнозировать продолжение циклов преобладания монополий разных уровней в сочетании с медленным колебательным ростом частной инициативы, которая сама будет стремиться постоянно искать прикрытие в монополиях. Борьба за «социализм» в этих условиях будет означать лишь форму борьбы крупных монополий между собой как борьбу одной сверхмонополии за государственный социализм, а борьба

против этого других монополий может выглядеть как борьба за общинный социализм.

Отсюда возможность среднесрочного прогноза, который указывает на высокую вероятность повторения модифицированного инверсионного цикла. Можно лишь надеяться, что если дело не дойдет до массовых разрушительных столкновений в стране, то этот цикл будет более мягким, с несколько большей дозой рефлексии, критики исторического опыта, чем в прошлый период. Есть определенный шанс ослабления инверсии на последующих этапах, шанс отхода от разрушительного инверсионного типа развития.

ПРОГНОЗ ТРЕТЬЕГО ПЕРИОДА

По прогнозу 1979 года предполагалось, что «общество вновь будет двигаться по сложной кривой, получающейся в результате сочетания двух форм социальных изменений. Однако центр тяжести борьбы будет смещаться от столкновения синкретизма и элементов либеральной цивилизации к борьбе между умеренным и развитым утилитаризмом. Борьба, вероятно, будет идти вокруг степени, масштабов частной инициативы. Она будет, видимо, сосуществовать с бюрократией, регулирующей частную инициативу, устанавливающей для нее ограничения. Эти ограничения будут поддержаны массами, страшящимися свободной конкуренции, соревнования талантов в сфере организации и экономики. Однако вероятно, что степень масштаба этой ограниченности станет важнейшим отличием одной версии господствующего идеала от другой. Возможно, что на первом этапе третьего глобального периода частная инициатива в результате инверсионной реакции против запрета на нее в прошлом достигнет значительных масштабов. Однако это вызовет серьезные трудности, резкую дифференциацию доходов, неспособность во многих случаях преодолеть стремление к монополизации дефицита. Это даст импульс попытке власти обуздать „жидкий элемент“, что, видимо, найдет поддержку в массовой инверсии тех, кто будет разочарован хаосом локализма.

Многое в дальнейшем будет зависеть от способности найти меру и организационные формы этого стремления к порядку. Если эта попытка превратится в стремление задавить инициативу, возросшую активность утилитаризма, то неизбежна новая инверсия в противоположную сторону, т. е. к ослаблению власти бюрократии над развитием утилитаризма.

Этот инверсионный путь, возможно, приведет к новому крайнему авторитаризму, попытке навести порядок крайними мерами. Именно тогда выявит свой тайный смысл шепот массового сознания — „порядка нет". Тогда выплеснется вверх тлеющая повсеместная тоска по новому Сталину, который все знает и берет ответственность на себя, освобождая всех от непосильной ответственности, упорядочит хаос. Новая инверсия будет направлена против „богачей" и „спекулянтов", хотя она вряд ли полностью уничтожит частную инициативу. Возврат к крепостничеству времен Сталина будет возможен лишь в результате исключительных обстоятельств, т. е. массовых бедствий, опустошения городов, борьбы за хлеб как основной экономической задачи страны. В основе этого поворота будет лежать стремление ликвидировать хаос возвратом к древним формам организации. Если общество будет ориентировано на узко понятые национальные ценности, оно может принять весьма непривлекательные формы. Можно надеяться, однако, что позиции, завоеванные к этому времени частной инициативой, потребности организаций поставят определенную границу произволу. Возможно, что произойдет усиление влияния права. Тем не менее вряд ли в этот период можно ожидать возникновения правового государства и разделения властей.

Авторитаризм не может бесконечно сохраняться и будет, видимо, сметен новой инверсионной волной. Падение крайнего авторитаризма неизбежно, поскольку он окажется препятствием дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию. Кроме того, ему, возможно, придется столкнуться с реальной оппозицией. Ослабление или падение диктатуры, возможно, откроет путь либерализму.

Вероятно, что период усиления влияния либерализма вызовет новый антилиберальный взрыв. Это может произойти как реакция на авторитарное движение в одной из инверсий конца третьего глобального периода.

Не исключена возможность того, что и третий глобальный период не приведет страну к либеральной цивилизации. Невозможно предвидеть, каковы будут результаты такого варианта развития. Возможно, что общество не выдержит бесконечных колебаний между двумя типами цивилизаций: судьба некогда могущественных древних империй может дать некоторые аналогии прогнозирования судеб России»³³.

Сегодня в принципе нет оснований отказываться от этого прогноза 1979 года. Его недостатком следует признать недо-

³³ См: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 328-330.

оценку сложности далеко зашедшего развития псевдоэкономики, создавшей разветвленную систему социальной патологии, исключительную трудность ее преодоления. Следует также отметить, что хотя при любом развитии событий власть вынуждена будет постоянно опираться на силу утилитаризма, способного обеспечить качественный сдвиг в хозяйстве, нести в себе импульс реального экономического развития, тем не менее мощные силы уравнительности ограничивают возможность такой опоры. В этой связи пока перспективы развития среднего класса представляются крайне узкими.

Другим недостатком прогноза 1979 года следует признать отсутствие гипотезы, касающейся общей оценки третьего глобального периода. Возможно, в третьем периоде цикл оказался смещенным от авторитаризма к локализму, что можно также рассматривать как ослабление инверсионного маятника, ослабление его разрушительного характера. Это может быть объяснено ростом медиации, утилитаризма, либерализма. Тем не менее не исчезла возможность нарастания катастрофизма, начавшегося в результате гибели советской государственности. Она не только обуславливается господством инверсии, но приобретает вполне реальные социальные контуры. Важнейший из них заключается в исторической слабости культурных интеграторов, гипертрофированном использовании в истории России для интеграции общества административно-организационных средств. Недостаток культурных интеграторов приобрел особенно острые формы в связи со стремлением к росту и развитию, модернизации, урбанизации, т. е. к процессам, казалось бы, немислимым без роста соответствующей ментальности. Каждый шаг, каждое значимое изменение в этих условиях чревато дезинтеграцией. Именно поэтому и на этот раз прогресс в условиях России объективно грозит авторитарно-тоталитарными тенденциями. Однако начавшаяся либеральная волна создала неблагоприятные условия для административных форм интеграции, в результате чего общество получило более благоприятные условия для развития культурных форм интеграции. Но этими условиями еще надо уметь воспользоваться, не говоря уже о том, что для этого нужны значительное время и отсутствие разрушительных катастроф. В противном случае не исключена возможность, что в условиях массовых бедствий, голода, эпидемий, развала технической базы хозяйства на первый план выйдет стремление каждого локального образования решать свои проблемы, углубляя локализм. Рост локализма неизбежно приводит к повышению вероятности столкновений между локальными мирами вплоть до возможности определенной формы «вяло текущей гражданской

войны» (В. Д. Соловей) между образованиями государственного типа, что может повлечь за собой не только разрушение России на государственном уровне, но и культурный распад, регионализацию культуры. Это может привести к краху России, и причиной его будет не чей-то злодейский план, но исторически сложившаяся исключительно слабая культурная и экономическая интеграция страны, что в истории страны замесалось административной интеграцией.

Гражданская война в расколотом обществе имеет свою специфику, так как она приводит в конечном итоге к поражению обеих сторон. Самая большая ошибка белого движения заключалась именно в том, что оно вообще вело войну с советской властью, так как именно война ее укрепила. Кризис власти наступил после окончания войны. Гражданская война, которая могла бы вестись за националистические идеалы, с попытками насильственного возврата отделившихся в результате распада СССР народов, привела бы к катастрофическим результатам. В случае такой войны бедствия обрушатся на все народы, но для России она чревата полным крахом.

Еще одна важная проблема, которая, без сомнения, оказывает влияние на дальнейшую динамику страны, заключается в ее бедности, т. е. в пониженной способности освоения богатейших естественных ресурсов в экономически и экологически приемлемых формах. Причина хозяйственной отсталости заключается прежде всего в том, что в стране устойчиво сложилась псевдоэкономика, которая понуждает огромные массы людей в промышленности и сельском хозяйстве «производить» отрицательную чистую продукцию, т. е. на самом деле продать богатства страны. Из этого следует, что прогноз должен учитывать нарастающую борьбу за перераспределение ресурсов между отраслями, за монополию на дефицит, за цены как средство перераспределения ресурсов. Для прогноза это обстоятельство имеет фундаментальное значение, так как инверсионные повороты в этих условиях неизбежно будут носить характер переходов от победы деревни, т. е. от установления высоких цен на ее продукцию, к победе города, т. е. к изъятию без соответствующей компенсации продукции сельского хозяйства, и наоборот. В эту идеальную модель, однако, хозяйственные связи с Западом могут внести существенные коррективы.

Выход следует искать в новых тенденциях, которые создают новые ситуации и возможность новых решений. Новая ситуация складывается, например, в результате того, что рост цен в сочетании с борьбой против инфляции приводит к ограничению спроса. Именно к этому оказываются неподготовленными

монополии на дефицит, у которых практически не было проблемы сбыта. Попытки правительства обеспечить продвижение к рынку чисто финансовыми средствами не могут достигнуть цели, так как эти методы бессильны против инфляции издержек. Они могут снижать спрос, что сокращает производство. В этой сложной ситуации нужна тонкая сбалансированная политика, которая могла бы решать взаимоисключающие задачи: осуществлять давление на монополии, чтобы прекратить рост инфляции издержек, угрожающий перекрыть всякую хозяйственную активность, но одновременно поддерживать определенный спрос разными методами, включая некоторую инфляцию спроса, чтобы стимулировать производство. Эта внутренне противоречивая политика, требующая постоянного поиска меры, может быть эффективной при условии усиливающегося давления на хозяйственную жизнь растущего слоя частных предпринимателей. В противном случае ее результатом окажется лишь очередная перестройка системы монополии на дефицит.

Негативные процессы происходят в глубинах социокультурного организма, лишь проявляясь в поверхностных политических движениях. Эти процессы обнаруживаются в неспособности общества найти выход из сложившейся ситуации, в попытках спастись от одного мифа бегством к другому. Можно предположить, что поражены глубинные нравственные основания общества, что раскол проник столь глубоко и понимание обществом сути этого процесса столь недостаточно, что страна не в состоянии нащупать даже общее направление поиска выхода. *Общество как бы потеряло инстинкт самосохранения*, решая свои задачи за счет саморазрушения собственных подсистем, за счет экономии на всем — на медицине, образовании, экологии, на дублирующих системах защиты *ft* т. д.

Возможно, многие посетуют, что этот прогноз недостаточно оптимистичен, что он не обещает счастливую жизнь, т. е. жизнь, соответствующую разным исключаящим друг друга утопиям. Однако никто не гарантировал нам лучезарной жизни. Слова одного из персонажей В. Г. Короленко, что «человек создан для счастья, как птица для полета», не следует считать истиной. *Неблагоприятный прогноз надлежит воспринимать как напоминание о том, что человек не баловень истории*. Он может существовать не только следуя истории (т. е. собственному накопленному историческому опыту, исторической инерции), но и в *постоянном споре с историей*. Смысл этого спора заключается в развитии способности человека изменяться, совершенствовать себя, постоянно соединять, синтезировать в своей воспроизводственной деятельности изменяющиеся

условия, средства и цели, не позволять противоречиям между ними достигать разрушительных масштабов. Это означает, что *мало радующий прогноз должен рассматриваться как стимул, возбуждающий стремление людей к новым, более глубоким решениям.* На пути этого стоит удивительная массовая инфантильность. С одной стороны, общество постоянно ожидает чуда то от индустриализации, то от химизации, то от кукурузы, то, наконец, от рынка, который чудесным образом наполнит полки магазинов. Какой еще сказкой соблазнит общество очередной пророк? Общество может погибнуть потому, что вера в один фетиш сменяется верой в другой. С другой стороны, реформаторы также поражают образцами инфантилизма. Разве не инфантилизм — пытаться ввести рынок в сложном и одновременно ничего не знающем о законности в хозяйственной жизни обществе и не проявить при этом заботы о подведении законодательной базы под реформы? Образовавшийся вакуум немедленно заполнили преступные элементы, которые стали выполнять «бесхозные функции» гарантов нормализации выплаты долгов и других обязательств.

Спасение страны не в очередном прожекте, а в способности всех живых сил активно брать на себя конструктивную ответственность за общество, идет ли речь об открытии магазина, воспроизводстве государственности или обеспечении общей стабильности и порядка.